

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.88:32.019.51

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-11-2-88-97

МЕНТАЛЬНАЯ ВОЙНА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Обринская Е. К.

Аннотация: *Современные тенденции развития мировой системы создают новые угрозы и вызовы для национальной безопасности государства. В начале XXI века на спадает международная напряженность и остается высокой конфликтность в рамках геополитического противостояния. Более того – постоянно совершенствуются методы оказания воздействия на зарубежные сообщества. В настоящий момент можно говорить о таком феномене как ментальная война. Статья посвящена изучению данного понятия и его основных характеристик, а также угроз, которые такая война создает для национальной безопасности Российской Федерации. Проанализировано содержание понятий ментальной безопасности и ментального иммунитета, обозначены основные направления защиты населения России от ментальных угроз. Сделан вывод о том, что Россия оказывается по ряду причин наиболее очевидным объектом такой войны и поэтому вынуждена предельно внимательно реагировать на возникающие вызовы. В основе стратегии обеспечения национальной безопасности в ментальной сфере лежат усилия государственных структур по нивелированию внешнего деструктивного воздействия на российское общество и одновременно по превентивному обеспечению его устойчивости к такому воздействию.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, ментальная война, ментальная безопасность, ментальный иммунитет, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, профилактика.*

Российская Федерация является одним из системообразующих игроков на мировой арене. На протяжении столетий Россия вызывала у других стран опасения и желание ее подчинить, укротить, сделать зависимой и слабой. Постоянно находясь под угрозой, русское государство вынуждено было вырабатывать эффективную стратегию противостояния нападкам из-за рубежа, которые зачастую использовали внутренние проблемы нашей страны. На современном этапе конфликтность международных отношений не снизилась, однако конфликт перешел из преимущественно военно-экономической сферы в информационно-психологическую. Это дало основания говорить о начале эпохи

информационных войн. Однако информационное воздействие – лишь одна из плоскостей современной политики. Влияние осуществляется также в культурной, духовной, социальной, коммуникационной сфере. В этих условиях понятие ментальной войны оказывается гораздо более емким и адекватнее отражает специфику того воздействия, которое оказывается на население России.

Термин «ментальная война» является сравнительно новым, но к нему исследователи подходили довольно давно, анализируя его отдельные аспекты. Сначала речь шла об информационной войне, и эта тема оказалась довольно популярной. Пожалуй, интересно исследование П.И. Сидорова, проведенное еще в 2005 г. [1], хотя речь в нем шла о психическом терроризме в контексте деятельности тоталитарных сект. Однако в дальнейшем эти наработки переосмыслены автором в отношении воздействия на целые народы с выделением понятия ментального иммунитета и ментального иммунодефицита [2–4]. В этом плане исследователь вплотную приблизился к формулированию понятия ментальной войны. Понятие ментальной безопасности, которое первоначально имело исключительно медицинский характер, было заимствовано для описания нового характера угроз и уровня воздействия в рамках геополитического противостояния такими учеными как И.Л. Миронов и С.С. Никитина [5], Н.А. Коровникова [6], В.А. Ксенофонтов [7], А.М. Ильницкий [8]. Сегодня проблема ментальной безопасности обретает все большую актуальность и с 2021 г. осознана уже в контексте ведущейся против России ментальной войны. Феномен ментальной войны обозначен, например, в научных исследованиях А.М. Ильницкого [9], Е.П. Борзовой и А.А. Ковалева [10]. Отдельное направление исследований составляет проблематика воздействия на ментальную безопасность личности и общества информационно-коммуникационных технологий и виртуальности, где в качестве примера можно привести работы Ю.В. Гавриловой и В.А. Перегудиной [11, 12]. В целом следует отметить, что проблематика ментальных войн и ментальной безопасности в контексте геополитического противостояния и обеспечения национальной безопасности России анализируется довольно интенсивно, учитывая недавнее осознание указанного феномена.

Целью данной статьи является анализ сущности ментальной войны, ее основных характеристик, угроз, которые она порождает для безопасности личности, общества и государства, а также основных направлений и методов противодействия ей.

Феномен ментальной войны: понятие и сущность

После двух мировых войн и ряда локальных конфликтов XX века на современном этапе военное противостояние кажется крайней мерой, применяющейся в исключительных случаях. Вся логика развития международного сотрудничества, в том числе в формате международного права, демонстрирует приверженность к мирным средствам разрешения конфликтов, отстаивания своих внешнеполитических интересов. Действительно, вторая половина XX века и начало XXI характеризуется тенденцией перехода от силовых методов ведения внешней политики к «мягкой силе» – культурному и социальному воздействию на окружающий мир. При этом ощутимо различие между мерами, направленными на ознакомление зарубежных сообществ со своей культурной и историей, открытие страны миру и технологиями, нацеленными на навязывание своих стандартов и ценностей,

на переформатирование зарубежных сообществ по желаемому образцу. Именно деятельность второго рода и подпадает под определение ментальной войны.

В целом такого рода воздействие оказывалось еще со времен окончания Второй мировой войны, в частности в формате публичной дипломатии (США). Однако усиленная разработка технологий несиловой трансформации иностранных сообществ привела к тому, что через методики информационной войны сегодня мы пришли к войне ментальной. Если с 2000-х гг. ощущались определенные угрозы в ментальной сфере, что вызвало к жизни актуализацию проблемы обеспечения ментальной безопасности, то интенсификация ментальных воздействий на современном этапе и то, что они становятся все более агрессивными, навязчивыми и безальтернативными, позволяет говорить именно о ментальной войне.

По мнению Д.Г. Евстафьева и А.М. Ильницкого, «целью новой войны является уничтожение самосознания, изменение ментальной цивилизационной основы общества противника... Она направлена на разрушение мировоззрения и цивилизационных основ противника» [13, с. 80]. Такой подход к реализации внешней политики является неофициальным, однако вполне очевидным в результате системного анализа, например, действий США и их союзников по отношению в России.

Если задуматься о том, какие тенденции имели место в нашей стране в ментальной сфере с момента распада СССР и до конца 2000-х гг., причем именно при поощрении со стороны западных «партнеров», можно заметить существенные изменения в сфере образования и культуры, духовной жизни и самосознания. В частности, заимствовались внешние, технические аспекты учебного процесса западного мира, без учета его содержательной составляющей, осуществлялся слом отличной от западной, но уникальной и эффективной модели образования. Таким образом, оказывается влияние на потенциал страны в плане подготовки кадров. Происходил уклон в сторону низкопробной массовой культуры с одновременным отказом от образцов традиционной отечественной культуры. В духовной жизни начали плодиться разнообразные религиозные общины и культы, что создало иллюзию разнообразия и свободы, но на самом деле повлекло утрату ценностей традиционных религиозных верований. Пересматривались исторические знания, переписывались учебники, создавая иное восприятие России и россиян, их места и роли в мировой истории. Таким образом на уровне обыденного сознания формировался образ отсталой страны, несовершенного государства, народа, который все сколько-нибудь стоящее заимствовал на западе, а сам только пьянствовал и ленился. Распространившееся в определенный период наименование «Рашка», несмотря на свою шуточность, является крайним проявлением неуважения к своей стране и неверия в нее, результатом кропотливой работы внешних субъектов и их внутренних агентов по дискредитации и обесцениванию России в глазах ее же граждан, существенным шагом к ее уничтожению как государства и нации.

В 2000-е гг. после смены руководства страны и поворота курса с попыток понравиться западным партнерам на обеспечение национальных интересов и, в первую очередь, выживания России, изменилось восприятие угроз. Принятие в 2009 г. Стратегии нацио-

нальной безопасности Российской Федерации стало первым шагом на пути осознания и утверждения России как самостоятельного субъекта со своей системой стандартов и ценностей. В дальнейшем Стратегии национальной безопасности 2015 г. и особенно 2021 г. все с большей откровенностью и уверенностью обозначали в качестве важнейшего источника угроз враждебную позицию отдельных стран, проявляющуюся в том числе и в оказании деструктивного воздействия на ментальную сферу. Соответственно, делается вывод о необходимости противостояния и нивелирования такого воздействия.

Хотя в Стратегии национальной безопасности, да и иных программных документах на государственном уровне пока еще не упоминается ментальная война, однако все ее составляющие уже зафиксированы. Жесткость и непримиримость геополитического противостояния в ментальной сфере очевидны. В этих условиях необходимо разобраться, что же собой представляет ментальная война. В.А. Ксенофонов считает, что это «высшая разновидность (форма) конфликта между социальными субъектами, ведущегося в информационной и духовно-мировоззренческой сферах противоборствующими сторонами, связанного с применением интеллектуально-психологического насилия на противника в интересах разрушения его мировоззренческого ядра и системы духовно-нравственных ценностей, со сменой его идентичности» [7, с. 109]. Более жесткое определение дает А.М. Ильницкий: «Ментальная война – это скоординированная совокупность разномасштабных действий и операций, направленных на «оккупацию» сознания противника в целях паралича его воли, изменения индивидуального и массового сознания населения для деморализации армии и общества, уничтожения духовно-нравственных ценностей, традиций и культурно-исторических основ государства, «стирания» национальной идентичности народа» [8, с. 28]. Здесь акцент делается на управляемость и системность предпринимаемых мер.

А.М. Ильницкий, пожалуй, является первопроходцем системного анализа ментальной войны как наступательной стратегии в отношении России. Он выделяет такие ее признаки и характеристики: «Борьба ведется за умы, знания и волю, за мировоззрение отдельных граждан и общества в целом; национальные история, культура, традиции, уклад и выбор жизненных приоритетов населения» обесцениваются либо подменяются другими, навязанными извне [8, с. 27–28], а желанной целью такого воздействия является «переформатирование» общественного сознания через элиту и СМИ, подрыв доверия к власти, развал государственных и общественных институтов самими гражданами во имя «светлого прогрессивного будущего». Многие аспекты чрезвычайно узнаваемы в недавнем российском прошлом. Это свидетельствует, что ментальная война, по существу, велась против России и раньше. Более того, в соответствии с указанными признаками можно утверждать, что деструктивное воздействие, хотя и не так системно, оказывалось на Россию в отдельные периоды времени, когда для этого складывались благоприятные условия – например, в начале XIX (декабристское восстание), на рубеже XIX–XX веков (привело к Февральской и Октябрьской революциям). Индикатором выступает довольно масштабная и устойчивая убежденность в отсталости своей страны, ее неспособности развиваться самобытным путем, невозможности модернизации без копирования иностранного опыта и т.п.

Выстоять в ментальной войне можно только посредством системного подхода, который предполагает теоретическое осмысление данного феномена, его регламентацию на нормативном уровне, соответствующие организационные преобразования. Особого внимания требует осознание условий и методов оказания ментального воздействия. Наиболее очевидно воздействие в информационной сфере (информационная война). По мнению специалистов, «информационная среда предоставляет возможность создания, по сути, нового оружия массового поражения ментального действия, направленного на сознание людей и социальных групп посредством «коррекции» информационного поля, навязывания мнений, предпочтений и даже прямой дезинформации» [8, с. 25]. Традиционно считалось негативным фактором ограничение доступа к информации, однако с ментальной точки зрения еще опаснее избыток информации. При недостатке сведений человек, скорее всего, делает осторожные выводы, понимая узость своего кругозора. Но если он сталкивается с «валом» разнообразной информации, создается иллюзия информированности и компетентности, выводы делаются легко и уверенно, зачастую исключая критический и системный подход. Поэтому именно перенасыщение информацией является ключевым инструментом информационной войны.

Помимо информационной составляющей, предполагающей управление и реформирование всего информационного поля «от новостей до аналитических и социологических данных, от программ обучения в высших учебных заведениях и школе до телевизионных программ и доступных архивных данных», А.М. Ильницкий выделяет также психоэмоциональный аспект, который предполагает управление эмоциями и настроениями, оценками и мнениями об определенных фактах и явлениях [9, с. 26–27]. Исследователи сходятся во мнении, что «при достижении агрессором поставленных целей у противника происходит трансформация мировоззренческих принципов, подрывается авторитет правящей власти, распространяется чувство разочарования в своем государстве, народе, его традициях, укладе, истории... перечисленные чувства подкрепляются устойчивой убежденностью в достоверности предлагаемой информации» [14, с. 130]. Некоторые даже называют это «ментальным геноцидом», однако более адекватным термином на современном этапе видится «ментальная дисфункция». Ментальная дисфункция – состояние ментальной сферы, создающее угрозу устойчивому функционированию индивида, его конструктивной деятельности, гармоничной идентичности. В связи с этим актуализируется понятие ментального иммунитета.

Условия реализации ментальной войны и выработка «ментального иммунитета»

Следует отметить, что внешнее ментальное воздействие, плавно перетекающее во внутреннее, имеет существенное значение. Однако не менее важны благоприятные для такого воздействия условия внутри общества. Именно системный кризис определенной интенсивности в ключевых сферах национальной безопасности делает нацию уязвимой для ментальной агрессии. А.А. Коноплева выражает мнение многих исследователей, утверждая, что «влияние на ментальные структуры становится возможным как ввиду личностных характеристик, выраженных в повышенной зависимости от чужого мнения, неразвитости критического мышления, так и по причине наличия субкультурных особенностей» [14,

с. 130]. Индивидуальную и групповую психологическую уязвимость усугубляют специфические проявления информационной эпохи развития цивилизации. Цифровизация различных сфер жизнедеятельности, прежде всего, общения и социализации, негативно влияет на структуру и функционирование личности и, соответственно, является одним из факторов снижения ментального иммунитета индивида и общества.

Н.А. Коровникова обращает внимание на то, что процессы виртуализации активно захватывают ментальную сферу, вмещающую аксиологические и когнитивные составляющие, и при всех позитивных аспектах цифровизации имеются существенные побочные эффекты – «ментальные вирусы и эпидемии, ментальные расстройства, культурную гипертекстуальность, деструктивные социальные группы, «клиповое мышление», фрагментацию социума и т.д.» [6, с. 117]. Также, по мнению В.А. Перегудиной, в виртуальном пространстве происходит анонимизация личности, которая вместе с освобождением личности приводит ее к растормаживанию, порождает чувство безнаказанности, необоснованного чувства собственной значимости и ложной безопасности [12, с. 92–93]. А Ю.В. Гаврилова указывает, что «изменения ментальности под влиянием действующих эффектов соотношения социальной и виртуальной реальностей заключаются в неосинкретизме ментальности; размывании смыслов; потере ориентиров в различении социального и виртуального миров; иллюзиях контроля над собственной жизнью и миром» [11, с. 89]. В этих условиях облегчается оказание воздействия через виртуальную среду на индивидуальное, а в массовом масштабе и общественное сознание, появляется возможность трансформировать идентичность и стимулировать определенное поведение. Получается, что, «если наша реальная идентичность конструируется на протяжении жизни в процессе постепенного возрастного становления, количественных и качественных трансформаций, взаимовлияния условий жизни, социального окружения и природных задатков, то виртуальная идентичность просто воссоздается и наполняется из предложенного сетью набора виртуального материала» [12, с. 94] и материал этот, следует признать, не самого высокого качества. Поэтому при анализе феномена ментальной войны неизбежно возникает проблема ментального иммунитета.

П.И. Сидоров считает, что ментальный иммунитет – это «система биопсихосоциодуховной защиты, обеспечивающая высокий уровень осознания ценностей и смыслов жизни, закрепленных в эффективных паттернах индивидуальной и социальной идентичности, реализуемых в адаптивных поведенческих стратегиях» [3, с. 85]. Противодействовать внешним угрозам, безусловно, необходимо. Если же при этом сформировать у собственного населения максимальную устойчивость к ментальному воздействию, такое противостояние окажется намного эффективнее. Как утверждает А.А. Коноплева, «ментальный иммунитет предполагает формирование системы устойчивых духовно-нравственных ориентиров... Во-первых, посредством применения правовых и организационно-управленческих мер следует обеспечить минимизацию вреда от столкновения с вызовами ментальной безопасности... Во-вторых, использование комплекса просветительских, социально-педагогических и психологических мероприятий при проведении профилактической работы подготовит интеллектуальный фундамент для критического восприятия информации»

[14, с. 131]. Наиболее уязвимой для ментального воздействия группой оказывается молодежь, в том числе потому, что является основным пользователем виртуальности. Соответственно, И.Л. Миронов и С.С. Никитина акцентируют внимание на том, что «обеспечение ментальной безопасности нашего общества является важной педагогической проблемой», «государственный патриотизм является идейной базой для эффективного противодействия в информационной войне», «использование традиционных нравственных архетипов в патриотическом воспитании современной молодежи позволит существенно оптимизировать педагогический процесс» [5, с. 184]. Формирование ментального иммунитета существенно повысит сопротивляемость населения внешним воздействиям и опосредованно будет способствовать обеспечению общественной и национальной безопасности. Это одна из приоритетных задач руководства России, которая отражается, в частности, в стратегии национальной безопасности РФ.

Проблема обеспечения ментальной безопасности России требует серьезной проработки со стороны государства, как на нормативном, так и на организационно-функциональном уровне. Безусловно, положительным индикатором является эволюция Стратегии национальной безопасности РФ с 2009 по 2021 г. Кроме того, отдельные направления обеспечения национальной безопасности в ментальной сфере (уважение к отечественной истории, недопущение фальсификации истории, патриотическое воспитание молодежи и пр.) достаточно успешно реализуются в рамках государственной политики профильными ведомствами.

Однако некоторые специалисты считают это недостаточным. Например, А.М. Ильницкий настаивает на принятии Стратегии ментальной безопасности, которая должна способствовать координации усилий государства по обеспечению ментальной безопасности нации [8, с. 31–32]. Е.В. Килимник считает необходимым создание «единого, возможно, межведомственного центра по противодействию информационным диверсиям, а также организация в рамках Министерства Внутренних Дел Управления (Центра) идеологической безопасности и контрпропаганды Российской Федерации, имеющего свои региональные структуры» [15, с. 50–51]. В целом следует отметить, что указанные предложения, безусловно, актуальны. Имеющиеся ресурсы государственного механизма по обеспечению национальной безопасности способны работать и в ментальной сфере. Тем более, что на современном этапе отмечаются существенные подвижки в направлении разработки методов и инструментов обеспечения ментальной безопасности.

Выводы

Проблема оказания деструктивного внешнего воздействия на ментальную сферу российского общества в геополитических целях сегодня чрезвычайно актуальна. С одной стороны, это связано с обострением международной обстановки и выходом геополитической конфронтации на новый виток. С другой стороны, подобное воздействие оказывается крайне опасным из-за «незамечаемости» угроз данного спектра и, соответственно, трудностей противодействия им.

Технологии реализации геополитических интересов ведущих стран мира постоянно

совершенствуются и на современном этапе это позволяет говорить о войне нового типа – полноценной «ментальной войне». Россия оказывается по ряду причин наиболее очевидным объектом такой войны и поэтому вынуждена предельно внимательно реагировать на возникающие вызовы.

В основе стратегии обеспечения национальной безопасности в ментальной сфере лежат усилия государственных структур по нивелированию внешнего деструктивного воздействия на российское общество и одновременно по превентивному обеспечению его устойчивости к такому воздействию. При этом особое внимание следует уделять работе с молодежью как наиболее перспективной группе населения, закладывая основы выживания российской цивилизации и ее устойчивого развития в будущем. Указанные аспекты отражены в ряде документов, регламентирующих государственную политику в данной сфере, однако учитывая относительную новизну феномена ментальной войны в части ее осознания, требуется дальнейшее совершенствование стратегии противодействия с целью обеспечения ее целостности и системности.

Список литературы

1. Сидоров П. И. Психический терроризм – форма несмертоносного оружия // Экология человека. 2005. № 7. С. 12–17.
2. Сидоров П.И. Ментальный иммунитет как биопсихосоциодуховная матрица идентичности и основа безопасности личности и общества // Экология человека. 2015. № 12. С. 42–52.
3. Сидоров П.И. Синдром приобретенного ментального иммунодефицита // Медицинский академический журнал. 2015. Т. 15, № 4. С. 82–95.
4. Сидоров П.И. Синдром приобретенного ментального иммунодефицита как полиморфное расстройство идентичности и предиктор аддиктивных эпидемий // Экология человека. 2017. № 6. С. 14–18.
5. Миронов И.Л., Никитина С.С. Ментальная безопасность России: педагогические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 182–184.
6. Коровникова Н.А. Ментальная безопасность в эпоху цифровизации // Социальные новации и социальные науки. Москва: ИНИОН РАН, 2020. № 1. С. 107–118.
7. Ксенофонтов В.А. Ментальная безопасность государства // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 108–113.
8. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.
9. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
10. Борзова Е.П., Ковалев А.А. Ментальные войны как новый вызов современному миру // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 70–76.

11. Гаврилова Ю.В. Ментальность в контексте взаимодействия социальной и виртуальной реальностей // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 82–93.
12. Перегудина В.А. Возможности современного сетевого информационного пространства для конструирования личности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2023. Т. 8. № 1. С. 90–118.
13. Евстафьев Д.Г., Ильницкий А.М. Геополитическое пространство национальной безопасности России // Военный академический журнал. 2021. № 2. С. 78–86.
14. Коноплева А.А. Пути обеспечения ментальной безопасности обучающихся вузов системы МВД России в условиях ведения гибридных войн // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 129–133.
15. Килимник Е.В. Духовная безопасность России // Теория и практика мировой науки. 2022. № 6. С. 48–53.

Сведения об авторе

Обринская Елена Константиновна, канд. полит. наук, г. Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин.

E-mail: obrinskaya@mail.ru

Obrinskaya E. K.

MENTAL WARFARE AS A PHENOMENON OF MODERN GEOPOLITICS

***Abstract:** Modern trends in the development of the global system create new threats and challenges to the national security of the state. Even at the beginning of the 21st century, international tensions are subsiding and conflict within the framework of the geopolitical confrontation remains high. Moreover, methods of influencing foreign communities are constantly being improved. At the moment, we can talk about such a phenomenon as mental warfare. The article is devoted to the study of this concept and its main characteristics, as well as the threats it poses to the national security of the Russian Federation. The content of the concepts of mental security and mental immunity is analyzed, the main directions of protecting the Russian population from mental threats are outlined. It is concluded that Russia is, for a number of reasons, the most obvious target of such a war and therefore has to respond very carefully to emerging challenges. The strategy of ensuring national security in the mental sphere is based on the efforts of state structures to neutralize the external destructive impact on Russian society and at the same time to prevent its resistance to such an impact.*

***Keywords:** national security, mental warfare, mental security, mental immunity, National security strategy of the Russian Federation, prevention.*

References

1. Sidorov P. I. Psihicheskij terrorism – forma nesmertonosnogo oruzhiya // *Ekologiya cheloveka*. 2005. № 7. P. 12–17.
2. Sidorov P.I. Mental’nyj immunitet kak biopsihosocioduhovnaya matrica identichnosti i osnova bezopasnosti lichnosti i obshchestva // *Ekologiya cheloveka*. 2015. № 12. P. 42–52.
3. Sidorov P.I. Sindrom priobretnogo mental’nogo immunodeficita // *Medicinskij akademicheskij zhurnal*. 2015. T. 15, № 4. P. 82–95.
4. Sidorov P.I. Sindrom priobretnogo mental’nogo immunodeficita kak polimorfnoe rasstrojstvo identichnosti i prediktor addiktivnyh epidemij // *Ekologiya cheloveka*. 2017. № 6. P. 14–18.
5. Mironov I.L., Nikitina S.S. Mental’naya bezopasnost’ Rossii: pedagogicheskie aspekty // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2017. № 3 (75). P. 182–184.
6. Korovnikova N.A. Mental’naya bezopasnost’ v epohu cifrovizacii // *Social’nye novacii i social’nye nauki*. Moskva: INION RAN, 2020. № 1. P. 107–118.
7. Ksenofontov V.A. Mental’naya bezopasnost’ gosudarstva // *Trudy BGTU*. Ser. 6, Istorija, filosofiya. 2022. № 2 (263). P. 108–113.
8. Il’nickij A.M. Strategiya mental’noj bezopasnosti Rossii // *Voennaya mysl’*. 2022. № 4. P. 24–35.
9. Il’nickij A.M. Mental’naya vojna Rossii // *Voennaya mysl’*. 2021. № 8. P. 19–33.
10. Borzova E.P., Kovalev A.A. Mental’nye vojny kak novyj vyzov sovremennomu miru // *Ekonomicheskie i social’no-gumanitarnye issledovaniya*. 2022. № 4 (36). P. 70–76.
11. Gavrilova YU.V. Mental’nost’ v kontekste vzaimodejstviya social’noj i virtual’noj real’nostej // *Gumanitarnyj vektor*. 2022. T. 17, № 2. P. 82–93.
12. Peregudina V.A. Vozmozhnosti sovremennogo setevogo informacionnogo prostranstva dlya konstruirovaniya lichnosti // *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda*. 2023. T. 8. № 1. P. 90–118.
13. Evstaf’ev D.G., Il’nickij A.M. Geopoliticheskoe prostranstvo nacional’noj bezopasnosti Rossii // *Voennyj akademicheskij zhurnal*. 2021. № 2. P. 78–86.
14. Konopleva A.A. Puti obespecheniya mental’noj bezopasnosti obuchayushchihsya vuzov sistemy MVD Rossii v usloviyah vedeniya gibridnyh vojn // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*. 2022. T. 22, vyp. 2. P. 129–133.
15. Kilimnik E.V. Duhovnaya bezopasnost’ Rossii // *Teoriya i praktika miro-voj nauki*. 2022. № 6. P. 48–53.

Obrinskaya Elena Konstantinovna, PhD in Political sciences, Simferopol, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Senior Lecturer of the Department of State and Civil Law Disciplines.

E-mail: obrinskaya@mail.ru